

Вестник Череповецкого государственного университета. 2022. № 4 (109). С. 44–55.
Cherepovets State University Bulletin, 2022, no. 4 (109), pp. 44–55.

Научная статья
УДК 821.161.1
<https://doi.org/10.23859/1994-0637-2022-4-109-5>

Михаил Елизаров: в диалоге с музыкой и литературой

Ульяна Сергеевна Кузнецова

Дом детства и юношества «Дом знаний»,
Череповец, Россия,
uk24.87@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2877-2710>

Аннотация: В статье анализируются особенности музыкально-поэтического творчества современного писателя Михаила Елизарова, рассматривается специфика художественного метода, к которому, на наш взгляд, следует относить его творчество. В работе представлен аналитический обзор исследований, описывающих специфические черты художественных произведений указанного автора, а также имеет место характеристика некоторых его поэтических текстов. Отмечается связь поэтического и прозаического творчества М. Елизарова, его автобиографичность и некоторая эгоцентричность. Песни указанного автора рассматриваются как особый поэтический жанр, обладающий сюжетной завершенностью, идейно-художественной глубиной и богатством языковых средств выразительности.

Ключевые слова: постмодернизм, «новый реализм», центонность, реминисценция, автобиографичность, интермедальность, «филологичность»

Для цитирования: Кузнецова У. С. Михаил Елизаров: в диалоге с музыкой и литературой // Вестник Череповецкого государственного университета. 2022. № 4 (109). С. 44–55. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2022-4-109-5>.

Mikhail Elizarov: in dialogue with music and literature

Ul'iana S. Kuznetsova

Youth Centre “Dom znaniy” (“House of Knowledge”),
Cherepovets, Russia,
uk24.87@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2877-2710>

Abstract: The article analyzes the features of the musical and poetic work by Mikhail Elizarov, a modern writer; examines the specifics of the artistic method, to which, in our opinion, his work should be attributed. The paper presents an analytical review of studies describing the specific features of M. Elizarov’s artistic works as well as the characterization of some of his poetic texts. There is a connection between M. Elizarov’s poetic and prose work, its autobiographical nature and some egocentricity. The songs of this author are considered to be a special poetic genre, possessing narrative completeness, ideological and artistic depth and a variety of linguistic expressive means.

Keywords: postmodernism, “new realism”, centonality, reminiscence, autobiographical nature, intermediality, philological character

For citation: Kuznetsova U. S. Mikhail Elizarov: in dialogue with music and literature. *Cherepovets State University Bulletin*, 2022, no. 4 (109), pp. 44–55. (In Russ.). <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2022-4-109-5>.

Введение

Писатель Михаил Елизаров является одной из самых неординарных личностей в современном литературном процессе. Уже два десятилетия он создает уникальную прозу, погруженную в контекст русской жизни советского и постсоветского периодов. Писатель стал лауреатом премий «Русский Букер» (2008), «НОС» (2014) и «Национальный бестселлер» (2021), его перу принадлежат четыре романа и многочисленные рассказы. В 2010 г. Елизаров создал музыкальный проект, после чего получил широкую известность как исполнитель песен собственного сочинения. На сегодняшний день им записано более 10 музыкальных альбомов, ни один из которых, однако, так и не выпущен официально на цифровых носителях.

Причину своего увлечения музыкальным творчеством (безусловно, к этому были все предпосылки, поскольку еще в детстве Елизаров окончил музыкальную школу по классу «Оперный вокал») сам писатель всякий раз аргументированно объясняет тем, что песня стала для него самодостаточным жанром, подчас позволяющим сказать больше, чем любой прозаический текст.

Вместе с тем очевидно, что два направления творческой деятельности Елизарова (прозаическое и музыкально-поэтическое) органически связаны. Им присущи общие мотивы, эпатажность, провокационность, стилевая и жанровая «ненормативность». Особый интерес представляет тот факт, что один из музыкальных альбомов и сборник рассказов писателя имеют одинаковое название – «Мы вышли покурить на 17 лет».

Художественный метод Елизарова-прозаика и Елизарова-поэта / музыканта с трудом поддается определению, поскольку он «балансирует» на грани постмодернистских и реалистических приемов. С. Ф. Меркушов, анализируя интертекстуальную ткань романов Елизарова, объясняет специфику его приемов «следованием традициям постмодернистской школы»¹. В дискуссии, развернувшейся на сайте «Свободная пресса», автору единодушно было присвоено звание «альтернативного постмодерниста». Однако нередки случаи, когда его называют и представителем реализма, допуская оговорку – «нового реализма», который на сегодняшний день, по замечанию критиков, уже перестал полноценно существовать. Н. П. Беневоленская именует художественный метод Елизарова не иначе как «грязный реализм»², обращая внимание на эксплуатацию им специфических языковых и образных средств. Однако, по словам Павла Басинского, оценивающего неоднозначные критические сужде-

¹ Меркушов С. Ф. Игра с классикой: литературные мутации в прозе М. Елизарова (на примере текстов «Госпиталь» и «Мультики») // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология». 2013. Вып. 4. С. 228.

² Беневоленская Н. П. Художественная философия русского литературного постмодернизма: дис. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург: [б. и.], 2004. С. 9.

ния о творчестве писателя, «Елизаров, как это сейчас принято, сам себе и направление, и критерий оценки, и бог, и царь, и герой»¹.

Между тем, на наш взгляд, такая художественная многополярность Елизарова позволяет ему емко визуализировать образы русской действительности, затрагивая ее насущные проблемы и апеллируя к нравственному сознанию современников.

Основная часть

Рассмотрим поэтические произведения Елизарова, ставшие текстами песен и представляющие собой интертекстуальный, стилистический и жанровый эксперимент. В творчестве писателя существует композиция «Сентиментальный марш», являющаяся своеобразным поэтическим протоколом, суть которого заключается в том, что «подполковник ФСБ в автомобиле BMW устроил спьяну ДТП, а с ним кровавое ЧП, сбив студента с ДЦП». Кроме того, интерес представляет драматическая баллада «Бескозырка». В песне проводится параллель между лирическим героем и ненужным, бесполезным котенком, которого «тащат за теплую шкурку» к воде, чтобы утопить; душа животного после «бескозырной игры» (с ней сравнивается жизнь) должна превратиться в бескозырку, плывущую по волнам. Достоин внимания и своеобразный лирический физиологический очерк в песне «Летела речка», где автор воссоздает образ жизни молодого человека – представителя среднего социального класса, описывает его среду обитания, устои и ценности этой среды: «А дома плохо, там рев и семечки, там корвалол и карнавал...».

С точки зрения направления музыкально-поэтические произведения Елизарова также отличаются широким разнообразием. Об этом свидетельствует тот факт, что писатель дал неоднозначное, «многополярное» определение собственному стилю, назвав его «бард-панк-шансоном»². Не только отдельные тексты писателя, но и все его творчество отличается музыкально-поэтической ценностью. Создается впечатление, что Елизаров под музыку исполняет не песни, а именно стихотворения, подбирая мелодию так, чтобы она не мешала восприятию текста.

Подтверждением вышесказанного служит, например, композиция «За окном горит фонарь». Эту песню условно можно назвать антологией русского рока. Ее мелодия отсылает, с одной стороны, к «Двум гитарам» Ивана Васильева и Аполлона Григорьева, а с другой – к композиции Федора Чистякова, созданной в свое время на тот же мотив. Текст песни «За окном горит фонарь» строится по принципу монтажа цитат, их наложения друг на друга. В поле зрения поэта попадает в общей сложности порядка десяти классических произведений русского рока: «Перемен!» и «Звезда по имени Солнце» Виктора Цоя, «Я хочу быть с тобой» Вячеслава Бутусова и Ильи Кормильцева, «Моя оборона» и «Все идет по плану» Егора Летова, «Небо славян» Константина Кинчева, «Поезд в огне» и «Город золотой» Бориса Гребенщикова, а также «А поезд тихо ехал на Бердичев» Виталия Крестовского. Объединяющим

¹ Басинский П. Мы вышли покурить на 17 лет... // Российская газета. 2012. № 248 (5921). URL: <http://www.rg.ru/2012/10/26/rasskazi.html> (дата обращения: 18.11.2021).

² Беседин П. Михаил Елизаров: «Россия – словоцентричная страна». URL: <https://ru-elizarov.livejournal.com/275119.html>? (дата обращения: 18.11.2021).

началом всех цитат, задействованных в композиции, становится припев, в котором Елизаров выражает восхищение классикой русского рока:

Эх, Цой, Виктор Цой, Наутилус, Кинчев!
Я к шикарной музыке с детства восприимчив¹.

Аллюзии Елизаров использует в рамках не только эстетической игры с читателем / слушателем, но и игры идеологической, когда «чужое слово» им переосмысливается, подвергается деконструкции и опошлению. Это любопытно, поскольку если вновь обратиться к спору о художественном методе писателя, то становится очевидно следующее: достаточно часто исследователи, отказывая Елизарову в индивидуально-творческих интенциях, настаивают на том, что, используя такую художественную стратегию, он «идет след в след»² за В. Сорокиным и подражает ему. Например, встречаются сравнения произведений писателя с ранним творчеством его предшественника. Это вызывает недоумение, так как в своих ранних произведениях Сорокин развивает традиции концептуализма, став одним из немногих представителей направления, получившего название соц-арт и связанного с методичным разрушением советского дискурса. Елизаров, которого причисляют к последователям Сорокина и даже называют «новым» Сорокиным, в силу своих идеологических убеждений (если судить по его интервью и некоторым произведениям) периодически будто делает глубокий реверанс в сторону Советской Империи и ее официальной культуры.

В этом смысле в качестве программного поэтического текста, выражающего идеологическую позицию Елизарова, явно полемизирующую со взглядами его современника, можно рассматривать стихотворение-песню «Горбачев». В одном куплете этой композиции автор пересказывает целый исторический период страны, в которой некогда родился и жил, описывает экономические и политические перемены, наступившие после распада Советского Союза:

Вот моя деревня, вот мой дом родной.
Это перестройка реет над страной.
Сокращения, квоты, закрывают ТЭЦ,
Дома без работы забухал отец.
Комбинат закрыли, увольняют мать.

Припев песни объясняет причину всех социально-экономических катаклизмов, упомянутых в куплете, и связывается с мифом о Михаиле Горбачеве, который якобы и развалил Советский Союз:

Если б Мишки были пчелами,
То они бы ни по чем
Никогда и не подумали: –
Будь ты проклят Горбачев!

¹ Здесь и далее в цитатах сохранены авторские орфография и пунктуация.

² Кузьменков А. Человек без лица. URL: <https://lgz.ru/article/-31-6474-6-08-2014/chelovek-bez-litsa/> (дата обращения: 18.11.2021).

В данном случае автор использует аллюзии на детскую литературу (это символично, поскольку рассматриваемый куплет песни посвящен детско-юношескому периоду жизни лирического героя) – стихотворение «Детство» И. З. Сурикова и «Песенку Винни Пуха» Б. Заходера.

Примером «нестандартной» идеологической позиции Елизарова, парадоксальной хотя бы потому, что самого поэта, защищающего советские ценности, во времена СССР вполне могли бы посадить только за манеру одеваться и выражаться, служит целый комплекс его текстов-композиций. Так, в одной из них автор воссоздает миф о Сталине, который материализуется из небытия и железной рукой наводит в стране порядок. Елизаров вновь обращается к музыкальным реминисценциям. Текст композиции исполняется на хорошо знакомые мелодии песен группы «Чиж & Со» «О любви» и «Гражданская оборона» «Все идет по плану»:

Вот бы справиться мне костюм себе из Сталина.
Из мистического тела, тверже стали – на!
Сапоги и галифе, да в белом кителе,
И летать бы в нем быстрее истребителя.

Все херово, поменялось все местами – на,
Откровенно не хватает людям Сталина.
И недаром в каждом доме и подъезде
Все мечтают о реванше и возмездии...
<...>
Пролетаем над Рублевкою и над Чечней,
Где с ковровой зачисткой, а где с точечной.
Ротенберги–Абрамовичи смиренной овцы,
К ним приехали веселые эсэсовцы.

Однако, несмотря на все вышесказанное, едва ли будет правильным утверждать, что Елизаров – это истовый адепт, страстный фанат всего советского. По нашему мнению, подобной нарочитой пропагандой идеологем прошлого писатель будто ищет пути выхода из стихии распада и разрушения, в которую погрузился мир настоящего.

Оценке современного мироустройства посвящен целый комплекс последних песен автора. Рассмотрим, например, композицию «Жизнь долгая как реверс»:

Вы простите мне мой пафос,
Вы забейте на мой фобос,
Приносите новый атлас,
Или сразу новый глобус.
Никуда не годный логос,
Гнозис – это тот же бизнес,
Наступает новый хронос,
Подступает новый кризис.
<...>

Вы простите мозга вынос,
Что навзрыд и во весь голос.
Кто, хачи или латинос
Представляют нынче охлос?
<...>
Демос выбирает лексус,
Новый топос просто казус.
Раньше все хотели в космос,
Но не тот уж нынче этнос,
Навсегда испорчен компас,
Кем-то переписан эпос.

В отличие от предыдущего текста, где, очевидно, акцент делался на критике власти, ворующей у народа и продающей страну, в данном случае предметом сатиры становится уже сам народ, его мировосприятие, система новых ценностей и убеждений, которые приводят автора к неутешительным выводам о деформации национальной ментальности или, как говорится в другом елизаровском стихотворении, о том, что в современной России «кто-то весь зашкварил универсум и культурный крысанул обшак».

Анализируя реалии, попадающие в поле зрения Елизарова-поэта, можно предположить следующее: его произведения имеют яркий отпечаток автобиографизма, документальности и эгоцентризма. Например, в песне «Жизнь долгая как ревер» таковым, по словам самого писателя, является тоска по утраченному величию страны и ее космическим возможностям (словосочетание «космические возможности» в данном случае необходимо понимать в широком смысле).

Похожие мотивы прослеживаются и в композиции «Советская». Стихотворение построено на приеме антитезы: картины героического прошлого чередуются в нем с изображением мрачного настоящего, приближающегося к трагической развязке – утрате государственной целостности («Неужто придется сменить нам тональность, / И гордая наша погибнет ментальность, / И родины нашей прекрасные дали?»). Создавая эпитафию Советской Империи, автор словно выносит приговор постсоветской реальности, не сомневаясь в ее грядущем разрушении.

Интертекстуальность данного елизаровского стихотворения, как и многих других произведений поэта, проявляется в лексических совпадениях (самый очевидный – «Этот день мы приближали, как могли!» в песне «День Победы» и «Они этот день, как могли, приближали» у Елизарова), использовании музыкальных цитат (композиция исполняется на мотивы песен «День Победы», «Погоня», «Марш авиаторов») и кинематографических аллюзий (отсылки к фильму «Пятый элемент»):

Бывает, приходит последний момент
И пятый не в силах помочь элемент.
Шестой поломался, враги уже близко,
Страна на пороге смертельного риска.

А цифры считает предательский таймер
И скоро взорвется космический лайнер.
Но мы не напрасно за Родину бились,
Никто не сдаётся, мы все как Брюс Виллис.

Такая концентрация прецедентных текстов в рамках одного произведения отличает художественную манеру Елизарова, который, аккумулируя опыт своих предшественников и современников, совмещает стилистику разных видов искусств. Так, автор часто апеллирует к культурному полю, связанному с мировым кинематографом. Подобная интермедийность, присущая и прозаическому, и музыкально-поэтическому творчеству писателя, вероятно, может быть обусловлена его биографией. Елизаров в 2001–2003 гг. жил в Ганновере, где учился в киношколе. В текстах поэта встречается множество кинематографических аллюзий. В одном из стихотворений упоминаются растиражированные в отечественных рок-хитах Бони и Клайд, герои одноименного фильма, в другом – иллюзия жизни современной России сравнивается с виртуальным миром из научно-фантастического боевика «Матрица» («Живу в России я, а жил в Союзе я – / Но это все была иллюзия. / На самом деле весь мир нам кажется, / Вокруг нас матрица, как в фильме “Матрица”»); отдельное произведение названо именем немецкого кинорежиссера, фотографа и актрисы Лени Рифеншталь и т. д.

Обучение на филологическом факультете – еще один факт биографии, нашедший отражение в стихотворениях Елизарова и повлиявший на их поэтику. В этом случае в ряде текстов автор прибегает к форме прямой саморепрезентации: «И давно закончен филфак / Как факт...». Художественный почерк поэта отличает ярко выраженная филологичность, под которой следует понимать использование автором приемов, связанных с пристальным вниманием к слову и его емкости:

Я же не раз считал, я же не рассчитал,
Выплаты по счетам, слезы по щекам.
Если прибыл с окраин –
Значит уже сакрален.
Я перевернут, вылит,
Это п...ц навывлет!
Пуля звонит по звонкам позвоночника.
И рассыпаюсь, как будто из праха я.

Или:

У меня есть проблема: передо мной дилемма,
Как в романах у фантаста Станислава Лема. <...>
Вспоминаю Олега, как свое альтер-эго
(Когда я служил в ОМОНе, он был мой коллега).
Если бы ему любя была не Люда, а Люба,
Не было бы у Олега проблемы с этим «Лего».

На первый взгляд, поэт преследует одну цель – соблюсти все правила звуковой организации поэтического текста, однако при более внимательном рассмотрении

обнаруживается, что каждое слово в стихотворении наполнено символическим значением.

Таким образом, при знакомстве с творчеством Елизарова часто складывается впечатление, что рядовой читатель / слушатель благодаря его произведениям может проверить свою эрудицию, а филолог – свои знания. Например, в монологе об утраченной любви, песне «Гуманитарная», автор вспоминает прерафаэлитов, рафаэлитов, малых голландцев, импрессионистов, франкфуртскую, тартусскую, бохумскую школу, не обходит вниманием М. Хайдеггера, Н. Хомского, Э. Юнгера, Р. Генона, Ю. Хабермаса и Ю. М. Лотмана, совместив с именами великих философов и ученых сниженную лексику.

Интертекстуальная игра Елизарова в его поэтических произведениях затрагивает тексты, принадлежащие перу всемирно известных поэтов и писателей. Рассмотрим елизаровскую композицию «Анна», три строфы которой насыщены реминисценциями:

Зовет под поезд имя Анна.
Из стыка сумрачных небес
И дорассветного тумана
Ползет разделочный экспресс.

Колес тяжелых перестуки,
Апофатический гудок
Неслышны ей. Раскинув руки,
Она на рельсах поперек.

Над ней вагон второго класса,
Под нею шпалы и песок.
И кто она? Простое мясо,
Нательный крест и образок.

В данном поэтическом тексте явно прослеживаются отсылки к сюжету известного романа Л. Н. Толстого, сама форма произведения является обращением к стихотворению М. Ю. Лермонтова «Парус», с ним же есть и лексические совпадения («Под ним струя светлей лазури, / Над ним луч солнца золотой»). Последние строки «Анны» можно рассматривать как элемент «чужого», заимствованного у Ф. М. Достоевского и И. Северянина.

Кроме того, в контексте всего музыкально-поэтического творчества Елизарова обнаруживается широкий аллюзийно-реминисцентный план, связанный с русским символизмом (в частности, с творчеством А. Блока). Так, имя известного поэта Серебряного века неоднократно упоминается в елизаровских песнях. Иногда писатель, иронизируя, отождествляет себя с Блоком (например, в строках «Я Блок в саду не райских яблок»). Однако в основном диалог Елизарова с Блоком осуществляется на более сложном уровне. Женские образы писатель строит на пародийном обыгрывании ключевых блоковских мифологем (Прекрасная Дама, Незнакомка, Россия). Более того, складывается впечатление, что при создании данных образов Елизаров

придерживается той же стратегии, что и его предшественник: либо останавливается на одной детали облика возлюбленной (или некогда возлюбленной), либо в качестве объекта изображения выбирает лирического героя, его мысли и переживания. Так, например, в одном из ранних произведений писателя женский образ, воплощающий идеал красоты, добра и любви, вызывает у лирического героя целую гамму «светлых эмоций».

Как известно, в художественном пространстве Блока на смену Прекрасной Даме приходит блудница, что связано с осознанием поэтом катастрофичности мира, в котором нет места любви и гармонии. В результате этого красота в лирике Блока низводится с небесных высот на землю. В произведениях Елизарова на определенном этапе творчества также начинает торжествовать пошлость во всех ее проявлениях. От былого романтического налета не остается и следа, атрибуты красоты становятся соответствующими. Если облик Незнакомки у Блока складывался из шелков, духов, туманов и вуалей, то у Елизарова он начинает выражаться в параметрах фигуры (не всегда идеальной). У блоковской героини – «в кольцах тонкая рука», елизаровская же может гордиться разве что «гибким крупом». Она все чаще оказывается порождением грязного абсурдного мира со свойственными ему проявлениями. С этого момента ключевыми мотивами произведений Елизарова, в которых так или иначе фигурируют женские образы, становятся измена, предательство, алчность и проч.:

Думал, что навсегда мы
И при любом раскладе,
Будто бы в кинодраме
О Бонни и Клайде...
Наедине с печалью,
Сломанный выключатель...
Я по тебе скучаю,
Е...й ты предатель!

Ветерок раскачивает чувств качель,
И такая горечь!
А любовь моя печаль-виолончель,
И на ней х...т мертвый Ростропович!

Ранее мы уже отмечали непреходящее внимание Елизарова к вопросу о судьбе России. Интересно, что своеобразное видение писателем любви / не-любви к женщине часто определяло и его отношение к родине. Это также сближает творчество Елизарова с традициями Блока. Очевидно, что для писателя нормой стало скорее не следование указанным традициям, а трагическое снижение, когда в его текстах, построенных на сплошных провокациях, все будто отражается в кривом зеркале.

Использование подобного минус-приема приобретает у Елизарова статус даже не иронии, свойственной эстетике постмодернизма, а сарказма (или, по определению самого Михаила Юрьевича, «интеллектуального стеба», который присутствует в большинстве его произведений).

Так, в композиции с символичным названием «Несуществующая песня» Елизаров

рассказывает историю о том, как на заброшенной темной аллее, где горит одинокий фонарь, белокурая девушка (она же – русская фея), идущая сквозь вечернюю хмарь, смогла дать отпор «Кавказа лицу», посоветовав ему вернуться на родину – «в аул». В следующих строфах эта ситуация рассматривается уже с точки зрения ее социально-исторического значения, поскольку девушка приобретает статус спасительницы России, над которой «сгущается мгла». Однако в финале композиции писатель, оправдывая ее название, высказывает сомнение по поводу существования такой девушки в современной России.

Все, что спел сейчас, это я выдумал
Да, моя песня проект.
Ни семантически, ни фонетически
Данной реальности нет.
Где эта девушка? Нет такой девушки,
Чтоб так ответить могла.
И потому над Россией подопытной
Ночь распростерла крыла.

Все, что я спел сейчас, это я выдумал
Всю эту лингвомодель.
И топономику, и семиотику
Скроет седая метель.
Где эта девушка? Нет такой девушки,
Чтоб так ответить могла.
Но без нее над Россией прелестною
Тихо сгущается мгла.

Выводы

Таким образом, музыкально-поэтические тексты Елизарова отличаются автобиографичностью и синкретической интертекстуальностью. Большинству произведений писателя, вне зависимости от их тематики, свойственна завершенность, «сюжетность», идейно-художественная глубина и богатство языковых средств выразительности.

Все это позволяет говорить о том, что Елизаров своим творчеством (и прозаическим, и музыкально-поэтическим) будто создает особую систему координат, которая не попадает ни под одно существующее определение. Однозначно можно утверждать следующее: Михаил Елизаров – это больше поэт, чем, например, поэт-музыкант, а исполнение им на публике музыкально-поэтических композиций – это скорее не просто представление музыкального текста, а «поэтический перформанс», предполагающий общение поэта с публикой в ситуации рефлексии отказа от книги как «традиционного медиа». Песни Елизарова, по нашему мнению, более «литературны», нежели «музыкальны». Отчасти об этом в одном из интервью заявил и сам писатель, когда, размышляя о сложном времени, в котором «работают жанры, несоотносимые с большими текстами», на вопрос журналиста «Тогда кто Вы?» однозначно ответил: «Я писатель, даже когда я пою. Мои песни – книги под музыку, а

публика, которая приходит меня послушать, приходит на меня как на писателя, который поет книги»¹. Эта фраза Елизарова – писателя / музыканта – больше чем что-либо другое демонстрирует ценностный культурный смысл всего происходящего сегодня – времени, когда меняется статус поэзии (а в данном случае шире – книги) и писателя в искусстве и обществе.

Список источников

Басинский П. Мы вышли покурить на 17 лет... // Российская газета. 2012. № 248 (5921). URL: <http://www.rg.ru/2012/10/26/rasskazi.html> (дата обращения: 18.11.2021).

Беневоленская Н. П. Художественная философия русского литературного постмодернизма: дис. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург: [б. и.], 2004. 165 с.

Беседин П. Михаил Елизаров: «Россия – словоцентричная страна». URL: <https://ru-elizarov.livejournal.com/275119.html?> (дата обращения: 18.11.2021).

Горин В. Писатели толпятся в сортире. URL: <https://ruslan-40.livejournal.com/2671370.html> (дата обращения: 18.11.2021).

Иванова Н. Сомнительное удовольствие // Знамя. 2004. № 1. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2004/1/ivan12.html> (дата обращения: 18.11.2021).

Меркушов С. Ф. Игра с классикой: литературные мутации в прозе М. Елизарова (на примере текстов «Госпиталь» и «Мультики») // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология». 2013. Вып. 4. С. 227–232.

Смагин С. Не хватает зла. URL: <http://www.svpressa.ru/blogs/article/126109> (дата обращения: 18.11.2021).

References

Basinskii P. My vyshli pokurit' na 17 let... [We came out to smoke for 17 years...]. *Rossiiskaia gazeta* [Russian Gazette], 2012, no. 248 (5921). Available at: <http://www.rg.ru/2012/10/26/rasskazi.html> (accessed: 18.11.2021).

Benevolenskaia N. P. *Khudozhestvennaia filosofiiia russkogo literaturnogo postmodernizma* [The artistic philosophy of Russian literary postmodernism: Cand. thesis in Philological Sciences]. St Petersburg, 2004. 165 p.

Besedin P. *Mikhail Elizarov: "Rossiia – slovotrichnaia strana"* [Mikhail Elizarov: "Russia is a word-centric country"]. Available at: <https://ru-elizarov.livejournal.com/275119.html?> (accessed: 18.11.2021).

Gorin V. *Pisateli tolpiatsia v sortire* [Writers crowd in a toilet]. Available at: <https://ruslan-40.livejournal.com/2671370.html> (accessed: 18.11.2021).

Ivanova N. Somnitel'noe udovol'stvie [Dubious pleasure]. *Znamia* [The Banner], 2004, no. 1. Available at: <http://magazines.russ.ru/znamia/2004/1/ivan12.html> (accessed: 18.11.2021).

Merkushov S. F. *Igra s klassikoi: literaturnye mutatsii v proze M. Elizarova (na primere tekstov "Gospital" i "Mul'tiki")* [Game with the classics: literary mutations in prose of M. Elizarov (by the example of "Hospital" and "Cartoons")]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriiia "Filologiiia"* [Herald of Tver State University. Series: Philology], 2013, iss. 4, pp. 227–232.

Smagin S. *Ne khvataet zla* [It makes one furious]. Available at: <http://www.svpressa.ru/blogs/article/126109> (accessed: 18.11.2021).

¹ Горин В. Писатели толпятся в сортире. URL: <https://ruslan-40.livejournal.com/2671370.html> (дата обращения: 18.11.2021).

Сведения об авторах

Ульяна Сергеевна Кузнецова – кандидат филологических наук; <https://orcid.org/0000-0002-2877-2710>, uk24.87@mail.ru, Дом детства и юношества «Дом знаний» (д. 54, пр-т Советский, 162602 г. Череповец, Россия); **Ul'iana S. Kuznetsova** – Candidate of Philological Sciences; <https://orcid.org/0000-0002-2877-2710>, uk24.87@mail.ru, Youth Centre “Dom znaniy” (“House of Knowledge”) (54, Sovetsky pr., 162602 Cherepovets, Russia).

Статья поступила в редакцию 24.01.2022; одобрена после рецензирования 18.02.2022; принята к публикации 25.02.2022.

The article was submitted 24.01.2022; Approved after reviewing 18.02.2022; Accepted for publication 25.02.2022.